

О кризисъ демократіи

Кризис демократіи — факт современной европейской жизни, факт очевидный и для врагов демократіи, и для друзей. Для врагов это начало конца («туда и дорога!»); для друзей — болѣзнь роста («вот теперь то она и воспрянет!»). Можно однако раздѣлять взгляд друзей, не присоединяясь к их оптимизму. Болѣзнь роста вовсе, вѣдь, не значит болѣзнь безопасная: и болѣзни роста бывают смертельными. Сама исторія демократіи дает примѣры таких болѣзней; больше того — вызывает сомнѣніе, не существует ли в развитіи демократіи рокового предѣла, за которым само развитіе это ведет к упадку и гибели. Греческая демократія IV-го вѣка, римская демократія, двумя вѣками позднѣе, пошли к упадку послѣ блестящих побѣд свободы и прав народа и именно в силу этих побѣд — в разгар торжества самых вѣрных и преданных народу вождей (Перикл, Гракхи). Развѣ случайно конечным результатом именно этих побѣд явилось торжество абсолютных монархій Александра, діадохов и августов? Конечно, многое съ тѣх пор измѣнилось. Исчезло рабство, по крайней мѣрѣ официальное; нѣтъ больше, по крайней мѣрѣ извнѣ, угрозы варварскаго нашествія; безконечно усовершенствовались приемы и средства политическаго общенія и борьбы — пути сообщенія, народное представительство, партійная жизнь, политическая печать; ликвидирована, или вот-вот будет ликвидирована, безграмотность. С другой стороны, развѣ та же исторія демократіи, — хотя бы минувшаго вѣка в Европѣ, — не дает вполнѣ убѣдительных примѣров преходящих и благотворных кризисов? Вѣрно, но... для пессимизма все же имѣются основанія. Прежде всего современный кризис гораздо ближе, по типу, к кризису демократій античнаго міра, чѣм к кризисам европейских демократій двух послѣдних столѣтій: и там (в античном мірѣ) и здѣсь (в современной Европѣ) кри-

зис возник не из столкновения партийных течений (было, конечно, и это), даже не из послѣвоенных затруднений, а из чего-то болѣе стихійнаго и кореннаго — из появленія политическаго сознанія в глубоких народных массах, из прямого вмѣшательства их воли в политическія событія.

Словом «демократія» покрываются явленія крайне сложныя и разнообразныя. В послѣднем (девятом) номерѣ «Новаго Града» Г. П. Федотов дает не исчерпывающее, конечно, но вѣрное и существенное опредѣленіе демократіи, как изъявленіе воли народа, выражаемой в свободном и отвѣтственном творчествѣ коллектива, как живой и цѣлостной личности. Въ этой «мистикѣ народа» демократія, дѣйствительно, только видимость. Только пробужденіе этой мистики, только рожденіе народа, как лица творящаго свою волю, создает демократію — не мечту или программу, а подлинный, дѣйствительный факт. Этим фактом современной дѣйствительности и созданъ весь кризис, подлинный, слѣдовательно, кризис роста: перед нами не усыпленіе, а пробужденіе народной воли — в этом вся суть. В свѣтъ этого факта вскрывают свое историческое содержаніе и борящіеся на наших глазах два брата — врага — коммунизм и фашизм. В момент своего торжества и тот, и другой были фазисом развитія, своеобразным проявленіем роста демократіи. В лицѣ их родилась не новая политическая техника или тип государственнаго устройства (это важно, но преходяще, случайно): родилась, проснулась к активности, душа европейских народов. Вглядитесь: борьба идет (шла) не за побѣду партіи над партіей, а за уничтоженіе всѣх, в старом значеніи слова, партій, не за смѣну вождя вождем, а за утвержденіе совершенно новаго, небывалаго доселѣ типа вождя. Ленин, Муссолини, Хитлер — как будто вожди, как вожди, Р.К.П., націонал-соціалисты, фашисты — партіи, как партіи, а какую глубокую перемену в духовной жизни народа отразили они! Груба, неосмыслена была выдвинувшая их в извѣстный момент народная воля, но это была подлинная и впервые своим языком заговорившая народная воля. Были вожди, носители идейных знамен — Гладстон, Дизраэли, Жорес, сам

Бонапарт, сам Ленин наконец до октябрьских дней. И за ними шли как будто бы массы, и под их знаменами собиралась толпа, но у этих масс не было своего лица; эти вожди и знамена не были вождями и знаменами демоса — народа, надѣленного собственной волей. Иное дѣло «дуче», «фюрер», «Ильич». Нервная нить от них прямо тянется к массам, и сами она пахнут массой и, как массы, — враги «элиты»; т.-е. той части народа, его духовных верхов, которая доселѣ думала за него и отождествляла свои стремленія с его волей. «Ведут» и они (на то и вожди), но прежде чем повели они, самих их внизу завели и вывели кверху — «веди!». Став вождями, они почти исчезли, как личность, потеряли самое имя: во всѣх этих кличках — дуче, Ильич — есть что-то от мифа, от фольклора, от безличнаго (в индивидуальном смыслѣ) и безликаго «мы», «они»...

Назвать фашизм, а тѣм болѣе коммунизм, демократіей — слишком явная фальшь. К «мистикѣ народа» демократія, вѣдь, не сводится, хотя в ней и нуждается. Расширив и углубив понятие демократіи, вскрывши его цѣлевое и моральное содержание — устремленность ко всеобщей свободѣ и к облагороженной личности человѣка — мы сразу устраним возможность сопоставленія современных «народных» и «социалистических» государств с демократіями. И все же, в каком-то смыслѣ, хотя бы по происхожденію своему, это государства народныя. И все же, без мистики народа, без демоса, демократіи нѣтъ. И как бы уродливы и дики ни были первыя реальныя проявленія его собственной воли, в них нельзя не признать реального шага к возникновенію и развитію подлинной демократіи. Перед нами ея современный (современный ли только?) трагическій парадокс: Демократія, как воля народа, губит демократію, как моральную цѣль; своею волею устраивая свою судьбу, народ уходит от идеала народной воли, как общества свободных и самостоятельных личностей; а без народа, без отвѣтственнаго вмѣшательства его в строительство жизни демократической идеал гаснет, как реальная цѣль, оборачивается лицемѣрной и искусственной схемой.

В факт этот нужно глубоко вдуматься. При всей трагичности своей он, быть может, не так уж парадоксален. Дѣло идет, пока, не о столкновении внутренних сил, не об антиномии собственных начал демократіи, а о расхождении примитивной, несовершенной демократіи с тѣм, что только считалось ею, что называлось ей именем условно, лишь в силу привычки. Всѣ демократіи довоеннаго времени (до французской и англо-саксонских включительно) были, в сущности, видимостью: народная воля являла себя в них случайно, под соблазном чужих разсуждений и слов; «мистика народа» существовала как внѣшній и отвлеченный символ. Конечно, свобода и право в современных демократіях не пустыя слова, а самое подлинное и жизненное благо, всю реальность и безыѣнность котораго мы остро ощущаем, когда приходится, хотя бы частично, его терять (кто-то, глубоко вѣрно, назвал свободу и право «водою жизни»). Не сама наличность этого блага в современных демократических государствах есть фикція, фикція — происхождение его от «воли народа». Не потому есть свобода и право, что народ так хотѣл, а наоборот: потому что народ ничего еще пока сам не хотѣл. Демос, народный массив, единственно подлинный субъект демократіи, ни в одной демократической странѣ, хозяином еще не был, а если на миг становился им кое-гдѣ, то тѣм самым страна эта демократической уже переставала быть. В демократіях именем народа хозяйничали всегда другіе (друзья); они торжественно провозглашали «неотъемлемыя права» народа; они же формулировали в своих программах его интересы. Сама народная воля пробуждалась на миг лишь в совершенно исключительных случаях — при объявлении войны («всѣ на врага!»), под неожиданным ударом жестокаго кризиса («да здравствует Рузвельт!»). И тогда она неизмѣнно шла через голову официальных демократических учреждений — выступленіем «улицы», всплеском гражданской войны, прямым давленіем на власть — и всегда (что самое главное) грозила свободѣ. Идеализируют чартистское движеніе в Англии — примѣр «демократически зрѣлаго» дѣйствія масс. Легенду создал преждевременный срыв движенія: чартизм, как народная рево-

люція, нес в себѣ всѣ присущія этим движеніям угрозы свободѣ — безсовѣстную демагогію (один Стефенс чего стоил!), призывы к классовой мести, перспективу вооруженных возстаній. Джаксоновское движеніе в Америкѣ? Но современный, непосредственный и высоко-квалифицированный наблюдатель его, Токвиль, опредѣленно называет этот період жизни американской демократіи «чреватым угрозами тираніи». О еще болѣе ярком періодѣ прямого дѣйствія народной воли в Америкѣ, об эпохѣ аболиціонизма, и говорить не приходится: зенитом его была кровопролитная гражданская война, а за ней безобразія «саквоyajников» (carpet-baggers), террористическая эпопея Куклукса, насильническое и корыстное навязываніе побѣжденным лицемѣрных, как показала практика, радикально-демократических поправок к конституціи. Рузвельт? Вот как будто бы исключеніе. Но рузвельтовское движеніе едва начатось; подождем конца: какой цѣной будет куплен его успѣх? к какой бѣдѣ приведет неудача? Тревожные симптомы, как примиреніе с Коминтерном (в лице С.С.С.Р.) или как недавняя эпопея луизианскаго диктатора, во всяком случаѣ, уже на лицо. Французскій опыт Думерга? Думерг, разумѣется, не был фашистом: этот стойкій и искренній демократ ни о каком посягательствѣ на свободу, ни о какой диктатурѣ не думал. Но какія событія привели Думерга ко власти? Повтореніе чего боялись свергавшіе его политическіе противники? Как демагогичны и лицемѣрны ни были, в большинствѣ случаев, нападки против Думерга «во имя свободы», в них была все-таки доля правды. А чѣм была борьба этих присяжных анти-фашистов, социал-радикалов, с потенциальным фашистом Думергом, как не борьбой демократов с народной волей, с демократіей? Думерга обвиняли, вѣдь, в том, что он смѣл по радіо непосредственно обращаться к народу, что приглашал народ обсуждать законопроекты, не одобренные еще парламентом и министрами¹⁾ и,

---

1) «Через ваши (сенаторов и депутатов) головы он (Думерг) обращается к народу, который однако избрал вас для того, чтобы исключительно перед вами была отвѣтственная исполнительная власть». (Из «воззванія демократических ученых и писателей к обѣим палатам».)

главное, замыслил постоянный контроль народа над своими избранными (право роспуска)!

Несомненный исторический факт: до современного смутного времени все официальные победы демократии были победами демократических идей и демократических симпатий в элите, и только безотчетно, думая о своем, двигалась порой за элитой и народная масса. Моральный и интеллектуальный уровень элиты бывал чист и высок (увы, не теперь!), авторитет непоколебим, — тогда высокой, чистой, непоколебимой рисовалась в умах и сердцах наблюдателей и сама демократия. В краткой истории российской демократии ее официальный зенит, февральские дни, являет особенно яркий и для нас, русских, примечательный пример такого искреннего и естественного, в сущности, самообмана. Во истину несравненными по своей трагической красоте казались нам эти дни. Победа демократии никогда еще и нигде, думали мы, не была такою полной и такою очевидной! Увы, никогда и нигде такой глубокой и очевидной не была и пропасть между победившими демократами и законным носителем демократической власти, просыпавшимся демосом. Наверху, в элите, полный триумф. Здесь демократия — все; здесь принадлежность к элите (просвещенному классу) и преданность народной свободе — синонимы; искренними демократами становились тогда (это после стали открещиваться) и вчерашние октябристы, и титулованное дворянство, и высший командный состав, и православные иерархи, и советники просто тайные и действительно тайные. А внизу, — грозный мрак: недоверчивые взгляды, шушуканье загадочных агитаторов — медленное вынашивание своего, созривание низовой воли народа. Яркий свет демократии сверху, как в тусклое зеркало, падал и вниз: тут тоже пели про «братский союз и свободу»; отсюда тоже шли резолюции о «справедливом мире» без аннексий и контрибуций; отсюда, в результате всенародного голосования, послали в Учредительное Собрание исключительно демократов (в демократах, вѣдь, — и каких еще! — ходили тогда и большевики). Масса митинговала, кри-

чала, протестовала, привѣтствовала, и уже насильничала... И все же явнаго своего лица она еще не имѣла: лозунги, платформы, резолюціи сыпались сюда готовыми сверху; их хватали по внѣшнему признаку — «земля», «рабочій народ»; во время выборов — или под номер («наш номер пятый»), или под условную кличку («у нас за есерей»). Это положеніе смутно чувствовалось вверху, но старались не видѣть, опьянялись видимостью иной, желанной, народной активности; свою волю, по всеобщему безмолвному соглашенію, принимали за волю народа; собственныя переживанія вырастали в россійскую дѣйствительность — «прекрасную, готовую на гражданскій подвиг»: «небывалая, — восторженно и искренно внушали себѣ, — безкровная! Великая демократія наша сломит германскій феодализм! Свободный народ непобѣдим и могуч!». На почвѣ этой иллюзіи создалось до сих пор не исчезнувшее у «ортодоксов» представленіе об «Октябрѣ», как о «внѣ-революціонном актѣ», «срывѣ Революціи», «антидемократической и контрреволюціонной реакціи». Правда — обратное: «Октябрь» не срыв, а зенит Революціи, выявленіе послѣдней сути ея, как возстанія простонародной стихіи (и в отдѣльном человѣкѣ, и в коллективѣ) против всѣх (и физических, и духовных) «господ», и вмѣстѣ рожденіе субъективной предпосылки демократіи, демоса — вступившаго на путь отвѣтственной, самостоятельной жизни народа. Пусть не говорят, что и октябрьскія массы были темными, вслѣпую шедшими за демагогами, что и их лозунги и программы создавались «элитой», хотя и отщепенской и низкаго культурнаго уровня. Малая доля правды тут есть; остальное — иллюзія. Вождей у Октября, вождей в обычном значеніи слова, не было: были вожаки, в нужный момент растворившіе свою волю в проснувшейся волѣ низов. Ленин, конечно, интеллигент и выходец из элиты, но именно выходец — вышедшій, ушедшій. В «ленинизмѣ» Октября лишь поверхность от Маркса и ученаго публициста Ульянова, нутро же его — от легендарнаго, стихіей народной воли порожденнаго «Ильича». Это им одержимый, вопил в октябрѣ интеллигент Ульянов — «грабь награбленное», как кликуша в

церкви вопит, одержимая бѣсом. Этот именно вопль, а не схоластическая «діалектика», сдѣлал Ленина народным вождем, а марксизм преобразовал в «ленинизм». Ленин, вождь революціи, сформировался в ея, по ея вкусу сложенных колодках. Керенскій не втиснулся в них и вслѣд за другими «буржуями» полетѣл в политическую корзину. Ленин втиснулся, и обрѣл безсмертіе революціоннаго фетиша в образѣ румяной муміи под стеклом. Мундир революціи мог слегка измѣнить покрой: вмѣсто Маркса всесоюзному распятію мог подвергнуться, на примѣр, Михайловскій. Ортодоксальные философы прѣли бы тогда в пролетарских академіях не о «переходѣ количества в качество», а о каких-нибудь «субъективных основах социологій». Но тѣло под мундиром не могло быть иным: в измѣненной варьяціи прозвучала бы по Россіи та же пѣсня о «выпштой кровушкѣ». «Элита» пролетарской революціи была антиинтеллигентской прежде всего: два элемента ея — «бывшіе» и «не успѣвшіе стать» — одинаково люто возненавидѣли подлинную элиту, — первые ненавистью предателей, вторые — неудачников. Окунались в Октябрь все-таки еще демократы (соціал - д е м о к р а т ы , большевики), подмоченные, но все же еще борцы на народное «право» и «волю», а вынырнули оголтѣлые противники и свободы, и всѣх связанных с нею духовных благ, враги и антиподы элиты. Интеллигенція и взлелѣянная ею в собственном духѣ «народная воля», пали первой и вождѣлѣннѣйшей жертвой развившейся по своей волѣ народной стихіи: выстроенное на зыбкой февральской почвѣ зданіе нашей демократіи разсыпалось сверху до низу от злобнаго вражескаго пинка. «Пролетарская диктатура» коршуном спустилась потом, уже на готовое: народ очнулся вскорѣ от революціоннаго хмѣля, в ея безстыдных когтях, над раскрытой на первой страницѣ «азбукой коммунизма». Так, в оголенной, исключительно трагической формѣ явил себя в революціонных россійских условіях основной парадокс современнаго кризиса — конфликт конкретной, реально проснувшейся волн народа с «народной волей», мистически освящающей в демократіи свободу и правду.

Под интернаціональним знаменем коммунизма, под расовыми народными лозунгами фашизма, в различных формах, стилях и образах, современное брожение европейских масс отражает какой-то единый сдвиг — рѣзкіе, истерически рѣзкіе порою, броски народной воли вперед. Рѣзкіе, они враждебны духовному стилю демократіи. Как броски, — неустойчивы, хрупки. Едва родившись и ринувшись в даль, воля разбивается в мелкія брызги и бьет назад мутной дѣнной, партійной ли, личной ли, диктатуры. В искаженной, доведенной до уродливой крайности, формѣ, революція возвращает дореволюціонный порядок — воля другого («элиты»), творимая именем масс. Только новый «другой» не друг уже, а недруг народа и новая «элита» не сливки, а странная, разносоставная смѣсь. За кратким пиром народной воли (октябрьскія буйства) тяжелое, длительное похмѣлье (сталинскій кнут).

Но прошедшій через соблазн «своей воли», в похмѣльи томящійся «пролетаріат», уже не прежняя дореволюціонная масса: демократія и в нем что-то приобрѣла. Подъем культуры? Едва ли. Но от древа познанія вкушено. Освободившись от недруга (гадаем — когда и как?) массы не двинутся за самым заманчивым словом, если сами в нем чего-нибудь не отыщут; не повѣрят вѣрнѣйшему другу, если сами его до конца не поймут. «Учить народ» снова придется, но учить будет трудно. Да и кому еще будет учить? Есть ли у призваннаго учить необходимыя для учительства данныя? Прочны ли собственные его устои? Просвѣтлено ли у него «одѣяніе души»? Кризис демократіи, своей разлагающей духовную жизнь стороной, проник до мозга элиты.

Задача обучения, перевоспитанія и самовоспитанія народных масс и элиты, вѣроятно, облегчится новой формой будущей демократіи и, еще больше, новой моральной атмосферой, в которой форма эта будет слагаться. Эти новыя условия существованія демократіи могут явиться серьезной гарантіей и против возвращенія антидемократических диктатур. Старая демократія, с ея магической (и механической) «четыреххвосткой», парламентаризмом, якобинским бюрократизмом и партійной

организаціей власти безвозвратно уйдет (уходит) в исторію. В строеніи новой демократіи отразятся новыя качества демоса — отход от готовых программ и абстракцій, вкус к конкретному, органическому, внушающему чувство отвѣтственности. А новая моральная атмосфера создастся в результатѣ реакціи против современнаго уплощенія духа — матеріализма, американизма, бытового позитивизма, — уставшая от котораго, живая человѣческая душа потребует себѣ болѣе тонкой и естественной пищи. Подобную благотворную реакцію Еврола пережила уже, послѣ эпохи революціоннаго просвѣтительства, в первой половинѣ прошлаго вѣка, несравненной по напряженности духовнаго творчества. Первые проблески этой реакціи, кажется, чувствуются уже (в робкой пока, порою наивной, формѣ) в современной Совѣтской Россіи.

Всѣм этим задача облегчится, но — увы! — может быть, не рѣшится. Прошлое демократіи, до новѣйших времен включительно, упорно внушает роковое сомнѣніе: да возможна ли безграничная субъективизація демоса? Не существует ли самой природой человѣческой положеннаго предѣла, за которым «своя воля» демоса превращается в гибельное для демократіи и человѣчества своеволіе? Если предѣл этот существует, если корень его в человѣческой, несовершенной природѣ, тогда для демократіи закрыт идеальный путь, и вѣчным достиженіем ея навѣки останется то, хорошо знакомое нам и искренними иллюзіями нашими расцвѣченное, обычное положеніе, при котором несомнѣнное благо (право, свобода) почти всегда не от демократіи, а идущее несомнѣнно от демократіи (от демоса) — почти никогда не благо. Идеальный демократическій путь, о дальних эпохах котораго демократы, достойные этого имени, никогда не перестанут мечтать — демократія, не убивающая аристократизм, а всѣх и все к аристократизму, наоборот, приобщающая. Не нашей, морально одичавшей, эпохѣ мечтать о таком, единственно подлинном и радикальном, разрѣшеніи кризиса. Быть может, вопреки обычным представленіям, чудеса и не чужды исторіи, но строить что-либо на ожиданіи чуда, в общественной жизни все же нельзя...

А гдѣ же, какіе, вѣчудные выходы? «Кризис роста» сказали мы. Не рожденіе ли? Уж очень иные жесты проходящих через демократическій кризис народов похожи на жесты новорожденнаго — беспомощные, животни-эгоистическіе, разрушительные. «Ребенок» античных демократій умер, едва научившись ходить. Может то же случиться и с нашим. Случится, — мы, как античный мір за своей демократіей, погрузимся надолго во тьму, ибо свѣтлой дороги вѣ демократіи для европейскаго человѣчества уже нѣтъ. Не случится... — а, навѣрное (от слова «вѣрю»), не случится — «ребенок», и европейская культура с ним, будет развиваться и жить. Родителям свойственно ждать для дѣтей блестящей карьеры. Демократическая элита вѣрит в великое будущее ея идеями взлѣбляющей демократіи, и вѣрить имѣет право. Но за правом — долг, работа над воспитаніем дѣтища и перевоспитаніем себя самой, долг борьбы и вѣры в демократію до конца, хотя бы вопреки вѣроятію, — сознавая, что положительных гарантій побѣды нѣтъ. Пока основное, рѣшающее в демократіи, — в пленках ворочающійся демос, — загадка, тайной завѣшано и все ея грядущее.

Зримаго, уже сейчас показуемаго, выхода из временнаго кризиса демократіи нѣтъ. Болѣе отчетливо, может быть, рисуется возможность временнаго выхода — так сказать, передышка. Так можно было бы назвать временную реставрацію «стараго порядка» демократіи, т.-е. возрожденіе моральнаго авторитета элиты, простосердечно и доброжелательно узурпирующей народную волю: наружно безмолвствующій и мирно, за разныя партіи, голосующій народ; наружно увѣренные в себѣ, в своей правдѣ и мощности партіи, юридически державное народное представительство (не непременно — старый «парламент»), законом охраненная свобода и равноправіе. Как всякая реставрація в исторіи, такая реставрація демократіи была бы формальной, т.-е. — старой оболочкой прикрывала бы какое-то новое содержаніе и, как всякая реставрація, явилась бы плодом не реальной побѣды, а лишь усталости и жажды покоя — не завоеванный борьбой результат, а взаимный отказ от борьбы. Как всякій отдых послѣ трудов, перед новыми испы-

таніями, она была бы желанна, и возможность ея не исключена ни для одной из стран, прошедших, так или иначе, через демократическій опыт; не совсѣм исключена, значит, и для Россіи. Но за кратким отдыхом (если он будет) неминуема новая борьба и новыя испытанія. С ростом ребенка вернутся болѣзни, кризисы и смертельные страхи. Трагическій разлад демократіи — практики с демократіей — цѣлью с каждым шагом вперед будет, в новых и новых формах, прогрессивно расти (признак жизни, не смерти).

Давно уже сказано: «Свобода — тяжелое бремя!». Вульгарное «счастье» не удѣл того, кто сам за себя во всем отвѣчает. Так сейчас уже, когда отвѣстных так еще мало, отвѣтственность, почти исключительно, ограничена личною жизнью, а человѣчество, в массѣ своей, покорно внимаемому ему «безумцами» снам. Во сколько раз тяжелѣе, мучительнѣе, сложнѣе будет дѣлаться бремя, по мѣрѣ того как нести его будут всѣ, и безотвѣстных вовсе не будет!

Великое бремя возложено, под именем демократіи, на европейское человѣчество! С этим бременем «покая не будет»,²⁾ не будет долго, долѣе, чѣм продлится «пятидесятилѣтка» построения «Новаго Града», долго спустя послѣ построения всѣх мыслимых нынѣ градов, не будет для взбудораженнаго демократіей человѣчества никогда. Выдержит ли оно это растущее бремя? Донесет ли?.. Благо ли само оно или зло?..

Послѣдній вопрос, в разных формах, давно уже ставится лучшими из людей: «Что цѣннѣе для невѣдомых нам, но нами ведомых, путей человѣческих — несчастный, пьющій смертную чашу Сократ или счастливое, смакующее пойло в корытѣ, двуногое?..».

Демократія — законом обезпеченная свобода и равенство. Демократія — самоуправленіе, политическое, общественное, хозяйственное. Да, несомнѣнно, все это демократія. Но не это вся демократія, и не это — демократія прежде всего: сверх этого и прежде всего демократія — духовно

---

²⁾ Ср. статью И. Бунакова в № 9 «Новаго Града».

обновленный человек, задания нового человечества, свободных, ответственно несущих бремя жизни существ. В мѣру выполнения этого задания, и только в мѣру его, мы приближаемся к демократии — не иллюзии. Вне его выполнения радикальнѣйшая реформа общества подлинной демократии не несет. Что политическая демократия «формальна» — давно навязло в ушах. Слѣдует знать, что и социальная, и индустриальная демократия, какіе угодно утопии и планы общественных строителей, вообще могут всѣ оказаться формальными, неформальное же в демократии — только человек, преобразенный в ответственную и духовно свободную личность.

Старую формулу марксизма о бытии и сознании нужно принять, в применении к демократии, в перевернутом видѣ: Не «бытие» (уровень формальной демократичности строя) определяет «сознание» (уровень реальной демократичности человеческих отношений), а «сознанием» (внутренней освобожденностью и направленностью воли) создается культурная цѣнность и подлинно демократическій стиль социальнаго «бытия».

Ив. Херасков.